

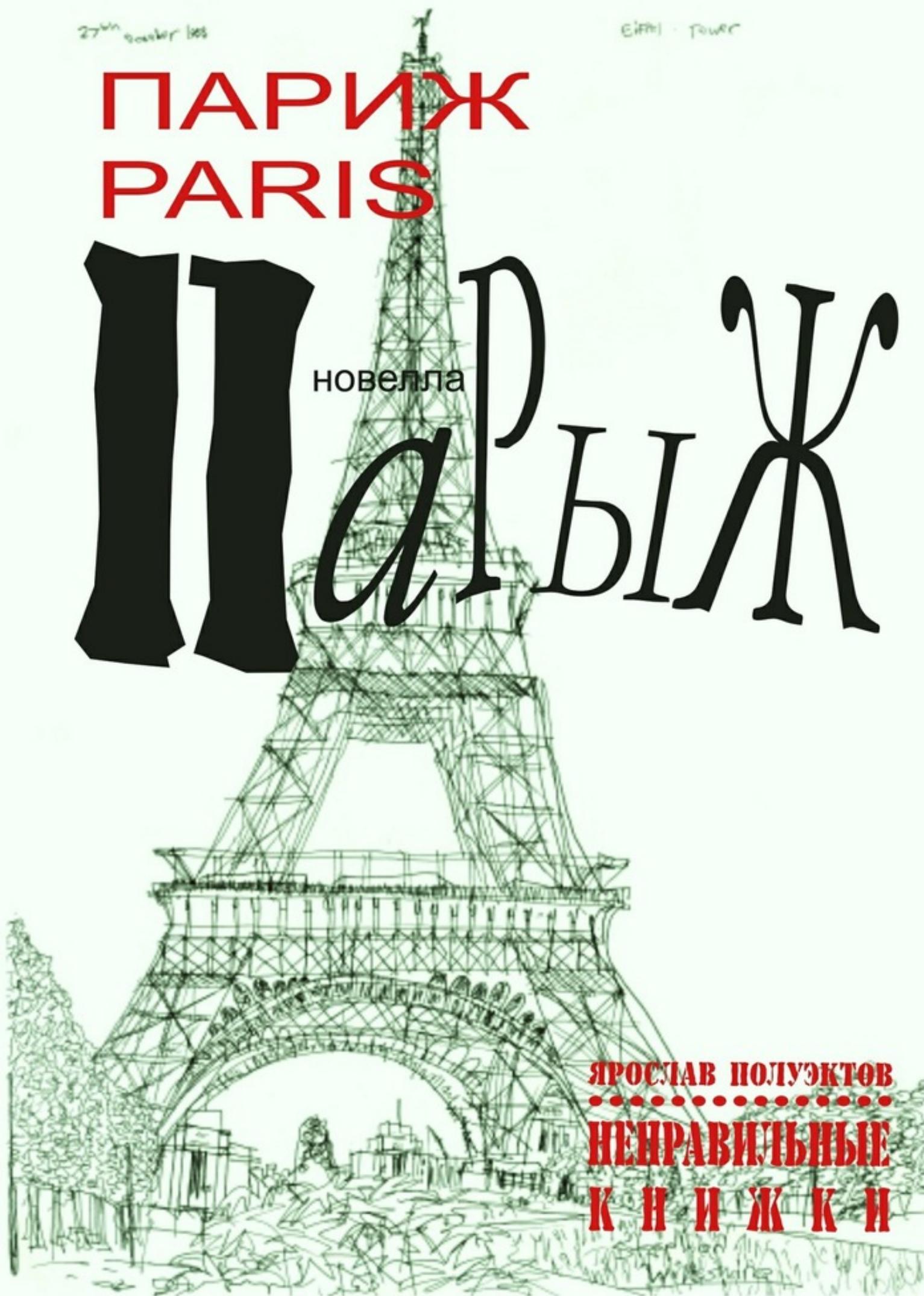
27th October 1985

Eiffel Tower

ПАРИЖ
PARIS

Париж

новелла

ЯРОСЛАВ ПОЛУЭКТОВ
.....
НЕПРАВИЛЬНЫЕ
КНИЖКИ

Ярослав Полуэктов
Париж Paris Парыж

«Издательские решения»

Полуэктов Я.

Париж Paris Парыж / Я. Полуэктов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-457-94463-3

Яков Каунатор. Аннотация: «Итительская сила! Ай, как вкусно! Мало, что вкусно, белой завистью завидно. Хорошо. Занимательно и вкусно. Спасибо».

ISBN 978-5-457-94463-3

© Полуэктов Я.
© Издательские решения

Содержание

Париж, Paris, Парыж	6
1	7
2	8
3	9
4	12
5	14
6	15
7	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Париж Paris Парыж Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Париж, Paris, Парыж

Не будем тратить предисловие на знакомство с героями

Не станем распыляться на выявление характеров.

Да и нехрен с ними – такими – знакомиться. Вы будто в бесплатный цирк сходили, посмотрели на клоунов, всерьёз ничего не приняли: в результате останетесь чистенькими.

А они как бы сначала побудут тут... с оказией, побалуются, покуражат, а в итоге тихохонько растворятся. В литературе. Навсегда. И никакого вреда. Ни Парижу, ни читателю, ни человечеству.

Не требуйте с автора сюжет! Что за дела? Что за пошлые штучки этот сюжет?

1

Не откладывая в долгий ящик, начинаем хамить. Ибо е правда жития и никуда от этой правды не скрыться. Тут уж кто сколько стерпит. Привет издателю.

Бумкнула Франсуаза, ответила Маргарита.

– Эй, парни, это одно лицо!

Наклали двадцать восемь лошадей по дороге к базилике кругликов. Века давно раскатали их сначала по Парижу, а ветер и вода позже – по всей планете, а парижане всё равно помнят.

Помнят также Бима, Ксан Иваныча, Малёху, ксанин автомобиль Рено. Может и меня запомнят.

«– Очень это французской нации нужно! Да такой нации и нет, – отвечаю я, чтобы показать: сам, мол, подкован и все у меня тип-топ».

Ха-ха-ха! Как я наколол читателя. Слова в кавычках вовсе даже не мои – как я могу сам себе противоречить. Эти слова принадлежат самому настоящему французу. Даже, можно сказать, французу из французов – Луи Фердинанду Селину. Во как!

Так что шансы запомнить этот рассказ есть.

2

– Кирюха, ну ты что? Ты придумал, как мы на кладбище поедим?

Это взъерошенный со сна Порфирий Сергеевич Бим-Нетотов сбросил ноги с постели, почесал, извините, кокушки и, без извинений, левую сторону голой – формой под петушка имени Буша – ляжки. Под прозрачной цыплячьей кожей с намёками старческих пупырышков видна сеть ручейков, в которых когда-то текла кровь, но теперь вместо неё алкоголь пивного происхождения. Соседей по койке рядом с ним нет. И никто не прочёсывает местность с приспущенными брюками.

– Давно воскреснул? А я токо что.

– А я вижу.

Проснулся я на самом деле давно, и вовсе не умирал. Я и не пил практически: против Бима я трезвенник. И всегда – против некоторых сексуально озабоченных – сплю в дягилевской длины и красоты трусах.

Разве можно Париж просыпать? Откусите себе язык только за мысль об этом! Хоть язык не виноват. Язык – всего лишь рупор мозга. Зато язык ещё и стрелочник, потому как крайний. Или наоборот. Лучше языка стрелочника нет.

Жёнка – ещё до развода – мне говорила: «Ты меня обижаешь».

Я удивляюсь: «Чем?»

Она: «Словами».

Я: «Ты суди по делам, что ты на слова обижаешься?»

Она: «А я всё равно обижаюсь».

Я: «Я же тебя даже не бью... как некоторые».

Она: «Нашёл эталон».

Так и разошлись: слово за слово, слова материализовались, и привет родителям.

Без языка ты и не жив, и не мёртв, как в русской извращенческой сказке про неголую и неодетую.

Или как у Буратины: с языком ты скорее жив, чем мёртв.

3

Утро в Париже это НЕЧТО. Это романтическое зрелище, особенно если едешь не с этими обормотами – хотя и с ними уже свыкся – а с нормальной девчушкой, готовой целоваться в транспорте и на скамейке, прижимать себя к твоим бёдрам, хвататься за руки, щебетать дурь и любиться ежевечерне за три бутерброда на бегу, за бокал вина в бистро и один полноценный обед в день.

Наши девушки такое могут себе позволить, ничуть не стесняясь такой мизерной – считай обидной – цены. Хотя, если рассудить по справедливости – билеты, гостиница тоже в счёт. Так что и не особо дёшево, если трезво рассудить.

Кто ж с тобой – ещё немного и вовсе старым пердуном и дряхлым пижоном – будет чпокаться, если у неё у самой деньги на билет есть. Даже и не поедет с тобой, если у неё есть деньги на билеты туда и обратно и для показа той таможне. Та-Можня этим озабочена. Эта Не-Можня ничем не озабочена.

А в Париже без денег можно прожить на обыкновенных деревянных скамейках на львиных – из чугуна – подпорках.

А если подцепить парня – пусть даже темнокожего – то и вообще хорошо. Хотя деваху в количестве одна особь французы не пустят: с русскими девками тут труба. Того и нороят навсегда остаться: замуж за ихнего выйти, прописку получить, потом развестись и хапнуть чужого имущества. Имущество лоха – его проблемы: хотел русскую – получи, а нахрен всему Парижу лишний народец? Тем более наши бабы по инерции требуют шубейку. Мужики... Русские мужики эмигранты, так они вообще лишние. Они работу отымают у старожилов. И, вот же черти, не хотят мести улицы! Всё нороят в писателей, в художников, бездельников... Ладно, в бездельников можно. Только не в бомжей, а наоборот пусть. Живите в гостиницах, тратьте свои тугрики на радость парижанам.

Хе! Негры, выходит, лучше. Стопоньки! Дабы не нарушать моральных устоев общества мы, вместо узаконенного, но долгого термина «лица африканского происхождения» взамен «негров», стали называть их сокращённо и по-доброму «Л.А.П.». То бишь лапы, лапушки. Такие «лапы» меньше кочевряжатся, а если кочевряжатся, то только на предмет ущемления их прав. Они, дескать, тоже аборигены, а если порассуждать, то ещё и похлеще белых.

Именно разные приезжие гадят и смердят методом «где попало». В метро и без приезжих очереди за билетами – стоят плотно, зигзаг гуськом, нефритовый грифель не пропихнёшь. И через шлагбаум приедем не перепрыгнуть – тут же пожурят францошишки-аборигены, то бишь бабушки – дедушки ихние. Зачикают белые воротнички, они такие все важные да кичливые. Полицейского позовут. Кто тут у них закладывает? – свои или приезжие? Или лапушки? Вон их сколько топчет Париж. Хотя нет: последовав нашему примеру, через защёлкнувшуюся вертушку стали сигать восприимчивые на всё новенькое молодые французики. И смотрят на нас, как на героев. А нам с Бимом с этого приятно.

...Итак, скрутил я матрас в рулон и выставил в угол, свернул в стопку простыни, добавил одеяло, и бросил всё в ноги Биму: а спал я на полу у самого балкона. Как и обещал с испуга где-то в середине романа.

А его величество Бим почивали по-человечьи – в мягкой койке на две персоны, хотя нами предварительно рассчитывалось гуще, по крайней мере – как это говорится у хронических алкоголиков? – ага, вспомнил: «соображалось на троих».

Сыночка, естественно, как привилегированное существо, обладает *coïkus personale*.

Возникает у вас вопрос. Что за групповуха там такая? Сильно что-то уж у них запутано. Геи – сидоры – бляусек? Да не парами, а всей мужской туристской группой? Чересчур уж как-то это всё.

Но, честно скажем, Малёха в этот раз руки на коленку Бима не складывал: эта болезнь нежности к Биму проявилась позже – при пересечении Монголии в одном из последующих годков. О чём, может быть, когда-нибудь поведаю миру.

Ну, дак и что, спрашиваем продолжая: грех это – трём мужикам в одной койке спать?

Отвечаю: в России грех, а в Германии давно и полно голубых клубняков: записывайся, плати вход и шпаклюйся, и сосискайся с кем хочешь и чью хочешь. Можно вайфюрст, а можно и блэкоклет – без ограничений тут. А в Париже не грех... потому как этак дешевле выходит. ДЕШЕВШЕ, пацаны!

Про пацанов я про тех, кто на последние кровные за границу едут, а то тут половина других пацанов уже слюни пустила и думает, что я щас порнуху в подробностях распишу – деньги вон уж из кошельков достают, в очередь за книжкой встали, автор рядом с авторучкой – автографы писать, может, думают, и этому Эктову удастся «вставить на память»... – вместо получения автографа, вон там за стеллажом вон того книжного магазина... А в нем теперь только одна «Астрель» вместо замученной капитализмом многогранной и всеядной «Угадайкниги». Жесть! И типа – раз он такой ловкий шалунишка – значит уже прямо тут можно брать за рога и своё в чужое совать. А дома уж, когда отдохнут, для развлечения и завершения – сладок в сексе старикашка не только на бумаге, а больше в жизни – на страницы поттречат так густо, будто бы на экран телевизора в Анфискином тренд-канале, и вытрут гнусный свой агрегатишко об цветной шмуцтитул.

Ага, дождётесь!

Речь ровно наоборот. Как раз, чтобы было наоборот, я сделал именно так, как 1/2Эктов обещал в какой-то главе. Разницу надо различать: Одно Второй Эктов и я – это две больших разницы. Тут он не соврал. Запомнил, падла, мою угрозу и страх: «с разными голыми Бимами не спать!» Я это хорошо помню.

Вот и устроился я рядом с балкончиком.

Вот и болтались всю ночь надо мной створка со стиркой (три «с» – повторяем ошибки 1/2Эктова).

– Тудысь-сюдысь! – это стирка, белишко, носки на бечёвке. – Скрип-скрип, – это манускриптит деревянная рама над головой. Висит как разболтанная по старости гильотина. Вот-вот сорвётся с петель. Она не снилась мне долго, так как я, слава Христу, не знаю её детального устройства. Революционные ингредиенты первой французской революции! Надо бы их знать сынам революций отечественных. А не охота! А не буду!

Так я и спал под эту «романтическую музыку старых номеров» и «чарующий шелест ночных парижских такси». Но, тьфу на этом, а то запахло. Чем-чем. Хэмингуэвщиной, вот чем!

Тупо разбудил обычный трамвай или ещё более обычный троллейбус: это я уже забыл – что там у них внизу было; надо будет в Планету-Землю посмотреть.

Запомнил только машинёшку, улепленную сплошь зелёным – искусственным, конечно, газоном: живым-то оно было бы забавней; и с глазами она ещё была. Остановилась под самыми нашими окнами: мы на четвёртом этаже, почти под свесом кровли. Чёрт, забыл вверх посмотреть, а там, наверное, было не всё так банально, как у нас на родине: здесь профилёчки, жестяночки правильно загнуты, воронки все с завитушками, дырочками, зубчиками, ромашечками и то и сё, как полагается в их европейском модернизме. А присмотреться, глядишь, и надстроенная мансардешка там, и наклонные окошки в ней, и флигелёк, и садик во дворе, и на крыше дамочка в одних трусиках. Валяется! В центре Парижа! Ей можно

помахать цветочком, а она, возьми, да ответь! Хоть у неё те самые праздники, и на работу не пошла именно поэтому. Ну, не захотела и всё! Плювать! Эй, спускайся сюда!

Крассо-тыщца!

Тут что-то обвалилось за окном, а в коридоре раздались женские шаги.

Ба-бах! Всё вдруг окрасилось сепией. Флэшбэк! Ненавижу флэшбэки. Путают они всё кругом.

Растворилась дверь и, не стуча, ввалила уже будто бы виденная где-то мною женщина. Ополчились бабы мира и родные когда-то. Ведь, хочу доложить, брошенки ревнуют и после брошения. Ибо бросают их не в конкретную цель, а как бы на волю течения, и их частенько или прибывает назад, или они прицепляются к кому-либо специально неподалёку, как к непотопляемому дереву и ждут-не дождутся момента, когда ты сам проплывёшь мимо какашкой, и тогда тебе всё припомнят и скажут, что ты, мол, видишь, стал какашкой, а при мне мог бы стать деревом как и я. А тебе уже пофигу, потому что время твоё кончилось, и ты плывёшь по точному адресу, туда, куда в итоге сплавляются все. И даже крепкие с виду деревья, иногда называемые топляками. Хотя чаще топляки, когда приходит их время, становятся тяжёлыми. Один их конец держится за дно. Другой конец пропарывает днища кораблей. Крепкие системы – неподвижные. Они скучают в застылости. А какашечки могут плыть и плыть, и ими питаются и птицы, и рыбы, и производятся микробы. Это отличная польза миру паразитов. А если повезёт, то их притянет какая-нибудь насосная станция. Там их засосут, прохлорируют, ультрафиолетом подлечат, а они ещё больше окрепнут, загорят, станут симпотными как звёзды, и они приобретут иммунитет, и снова их запустят в жизнь... и...

Отвлеклись, кажется... Сепия тут стала мигать и местами походить на правду... Радуга брызжет. Каждый охотник желает знать где сидит... Знаем-знаем, не надо тут нам втирать! ... Горничная, уборщица, официантка? Что-что? Завтрак принесла в постель? Ух ты! Давай-ка его сюда! Кто тут был сервисом недоволен? Ах это был наш молодой друг Малёха! Приносиваемся. Повяло мюнхской рулькой. Не может быть: мы в Париже! Нос уточняет: фазан жареный. Глаз... неужто врёт: официантка. Ну, и нарядец! У цветах усё алых! Будто только что из Саратова. Без тележки.

Нет, не официантка. Или она? В постреннесансных романах всё всегда так неожиданно и некстати. Бабы вылетают откуда-то сбоку. Не стая фазаних, нет. Одна и как-то на «Ф». Что значит «фиолетово» ей всё. Во: с флейтой, млин! Что ж они такое творят! Саратовки! С Угадайки-тож. С флейтой! Чего ради творят? Куда флейту можно пристроить? Ладно, что не с арфой припёрлась!

Тут музыка: долгая, странная, басовая си бемоль. Что это? Ах это музыка нашей планеты за последние двести миллионов лет. Ладно, ладно, замах оценили. Автору зачёт. Режиссёру зачёт. Композитору двойка за плагиат.

4

– Ах, как глупо своёго дома не знать, – сказала голубушка Варвара Тимофеевна, а это была именно она – общезнакомая тёлка из XIX-го Таёжного Притона, флейта вынимаема из сумочки.

– Пришлось задирать подол у самой водосточной трубы, а говорили, что в Париже клозеты на каждом шагу. Хорошо – дождит, а то бы и не знаю, что со мной бы приключилось. Неудобно как-то сухие тротуары мочить. А я к Ксан Иванычу, – говорит, – где он? Как нет? – самое время! Я с гостинцами к нему. Должна я вам, кстати, сообщить на ваш вопрос, что ваш ненаглядный Ксан Иваныч вашу нумерную гостинку в Гугле нашёл. И позже ещё раз нашёл, – по приезду, так сказать, чтобы супружнице доложить своей ненаглядной certainty факты, так сказать. Нашёл и фотку – по вывеске, кстати, – и место вашей теперешней дислокации. Век-то номер двадцать один с Рождества Христова.

Порфирий что-то замолк, засуетился... Засомневался в технологических возможностях века и в правильной дате начала исчисления. Всё это мутно и каждый король норовит по своему считать... чтобы наколоть соседа. А-а-а, забыл, это не самое главное, а подспудно. Главное: он же голый вниз от пояса. Прикрываться одеялком стал. Всей маскарадной прелести и новизны ситуации не понял. Тоже мне герой – любовник. Могли бы вдвоём этой Варваре Тимофеевне... Как давеча в Угадае этой... ну-у-у... Стоп-стопарики!

– Голубушка, Варвара Тимофеевна, – вместо предложения ночной луны, звёзд, как дыр в занавеске рая, и вместо горячего сердца двадцать первого века стал оправдываться я.

А ведь я – не в пример уважаемому Вами Ксан Иванычу – не только хотэль в Гугле нашёл, а ещё проехался на невидимом автомобиле и катался по городу, рассматривая фасады, до тех пор, пока не стукнулся головой об виртуальную ветку и в заблудившееся положение не встрял. А там и Гугл издох: виртуалил-то я с места службы, а на службе для каждого назначен трафик, все уже привыкли и стали в него вписываться без проблем, начальство наше, поразмыслив, решило, что все уже стали честными людьми и ограничение сняли. Хренов им!

Тут Варвара Тимофеевна ойкнула, слово Бимовский сморщенный орган ей, видите ли, не понравился. Как бы не в строку шло. А её это колет.

Она поначалу вышла из барышень, а потом уж только завела себе Притон на отшибе, и набрала на службу разных диких Олесек. От заезжих джипперов, батюшек с приёмными и своими детьми, набожных сестриц, колдунов, беглых каторжников, ролевых игроков и нечисти местной теперь у неё отбоя нет.

– Голубушка! Мы идём! – кричат гости, только вывалившись с баржи. Пить начинают ещё с берега. Пока дойдут – а там всего-то идти триста метров – ящика шампанского как ни бывало.

– Ну, дак, – продолжил я, – искали честных, а нарвались на глупых. Я – не поверите – наивно тратил из общака и удивлялся: надо же, какой Гугл энергоНЕёмкий. Лишил всех коллег радости общения с Интернетом на целый месяц. Ну и ладненько. Прожили как-то, хотя и позубоскалили поначалу.

– Как ладненько, – спросила Варвара Тимофеевна, присаживаясь на койку рядом с Бимом, – простите, сударь, можно я рядом с вами посижу? Или на минутку прилягу-с. Подайте подушечку-с, милейший.

Бим подвинул испод подушечку.

– Устала-с. Парижец такой большой городишко. – А мне: «Ладненьким не обойдётся, сударь, говорите правдиво: вас лишили работы, так ведь? Или наложили штраф? По-другому в нормальных фирмах не бывает».

– Простили меня, потому как дело шло к концу месяца, и даже денег с меня не взяли, хотя я предлагал излишек расхода оплатить со своего кармана. Может мне пора отвернуться от вашей картинки?

Тут Варвара Тимофеевна, забыв про меня и не ответив вежливым «можете и посмотреть наши шалости, а можете чуть погодя присоединиться», стала закидывать нога на ногу; фальшивый костыль в сторону. А как только приподнялся край платья, показались кружева и оголилась розовая коленка, так Бим стал валиться на неё и тут...

И тут Бим стал мной, а Варвара оказалась Маськой. Прорезь у Маськи оказалась нежной, белой и тонкой, но не так как у Тимофеевны – обросшей рыжими волосами и труднодоступной – как дикая тайга (тайга ещё цивилизованной бывает, когда из неё делают музей с билетами), – а такой, как полагается молодым и неопытным девушкам. Или то была Фаби? Но тогда я ещё не знал Фабиного устройства. Значит то объявившееся чудо было Маськой. Расцветает девушка на глазах всего Интернета.

Но тут же спросонья, механически: «ой, не надо», а я: «должен же я знать как там у тебя устроено».

А она: «не надо, не надо, а то я тоже захочу». Шалопайка.

А я был готов, взмок, прилип к её заднице в обрезанных джинсах и жмусь; а ножки стройные, белые, гладкие без единой волосинки, животик плоский, но мяконецкий и женственный. Теперь же – а я не насильник и не педофил, а лодырь – пришлось взять себя в руки и отбросить задатки Казановы в сторону. Я будто бы очнулся, зевнул для пардонуа – будто не виноват я, а будто автоматически во сне полез – а за это грех списывается. Встал, засунул разочарование кой-куда, оправил членство и, пока не истёрлось в памяти, полез в компьютер записывать ощущения...

Так Варвара Тимофеевна – конченная замужняя мать таёжных проблядушек, и маленькая хитрушка, мечтательница, путешественница автостопом двадцатилетняя Маська-Фаби оказались одновременно со мной и с Бимом в Париже.

5

Флэшфорвард. Цвет синий.

– За что же ты себя наказываешь мазохизмом? – спрашивала меня Варвара Тимофеевна уже через пару веков, когда я сильно повзрослел, но ни черта не изменился, – трахать их всех надо...

Вот так думают современные женщины, оглядываясь на оперативно и бестолку прожитые годы. А что ж тогда сами в нужное время, в тот самый потребный час...

6

И оказывается: всё, что мы видели и пощупали реально в Париже, не так всё было и далеко. Зря Ксанька пожадил на своём авто ездить. На машине мы увидели бы ещё больше.

... Успел сфотать Травяную машину¹ в тот момент, когда она тронулась. Фотка потому смазалась: был некоторый туманчик, а, может, и дождь накрапывал, рождаясь из парижского отсека космической млечности, в которой рождающий луч...

И часть трусов – что висела на улице – опять мокрая.

Высматривал Ксанькину Реношку, но её отсюда не видно: липы мешают. Может и не липы. Ну, а что ещё может расти в центре Парижа? Клёны? Карагачи? Тополя пирамидальной ориентации? Да, не субтропики, вроде, и не Алма-Аты, и не Бухара ты, Париж твою мать!

А машина в квартале отсюда, стоит в неполюженном месте на наш общий страх и риск.

Можете сидеть в библиотечной уборной, с моей книгой как и сидели до того, если не верите, но Ксаня – а он сам рассказывал утром – всю ночь ворочался, метался, Бима испинал, разворошил бельё, не спал и страдал: штрафы тут о-ё-ё! Кусаются штрафы больше бешеной американской собаки из вестерна – койота, поганее энцефалитного клеща. Вакцины от штрафов нету. Гм! Это что-то! Двести или пятьсот евро. Уточним, когда к машине подойдём. Там на стекле должно Ксанькино кино «Страшный парижский сон» висеть с озвученной в реальности ценой вопроса.

Выглядит киносон (сколько вам лет, милая читательница? вы за рулём?) как такой бумажный, самоклеющийся стикер-привет от гаишников с восклицательными знаками и номером счёта в банке, куда люди, кривя морды, перечисляют положенное. Если они не согласны, конечно, на арбитраж и разборки. А ещё дороже выйдет!

Нет, дамочка! У вас те же симптомы относительно стояков. А я говорю так: чего с французскими гаишниками бодаться, если факт налицо?

– Вы – мэр города Угадая, что ли, Старого Оскола, Новогришковца? – спросят они.

Мы: «То-сё, а толком ничего».

Священный русский запрет на исполнение правил придуман не для всех русских, а только для избранных.

– Дак ни пошли бы вы тогда в жопу! Ты русский депутат Европарламента? А не грек, не сербская обезьянка? Так пошёл в пим! И мы послушно идём, куда командировали и что посулили, потому что мы не смелые Жириновские соколята, а обыкновенные петушки общиплого мужского рода и такого же столовского возраста. Там ещё мухи роем, напоминающие вечно обмушенный Томск.

Или к пустому месту подойдём. Там была служебная стоянка: для своих, для почты, жандармерии, пожарников, ГАИ ихнего. Всё прописано прямо на асфальте. Заберут, как пить дать, наш автомобиль. Готовы были ко всему, а гараж искать лень, а ещё пуще того жалко тратить по сорок или восемьдесят евро в сутки – какая разница в цене вопроса.

– Заплати бабки и спи спокойно, – рассуждал Бим, отряхнувшись с Варвары Тимофеевны и опять выставив на обозрение свои условно живенькие кокушки и свой мерзкий ***. Вместо трёх звёздочек тут известный овощ.

– Бабки – это бабки, – сказал он, – что их жалеть? Специально копили, чтобы тратить.

– Бим, а баба-то где твоя? То есть наша, теперешняя... вместе потёхались... Тимофеевна она, или, может, Маська. Или Фабька?

¹ Обишта искусственной травой.

Нет, Фаби я ещё не мог упомянуть: повторяю: мы ещё не познакомились в тот момент с Фаби. Я познакомился с ней только через несколько часов, когда мы уже пошли вглубь Парижа. Конспиративная левитация, или дежавю, значит.

– Моя? – Бим поозирался, – баба моя в Греции, я же говорил, гречанка она временно. Но не Маська. Масыня – это такой комикс. Почему она и твоей вдруг стала? Тимофеевна она, да. А почто, я разве тебе отчество говорил? Называл? По пьянке что ли? Это надо разобраться...

Тут Бим с какой-то стати затеял с закрытыми глазами стыковать указательные пальцы.
– Не сходятся пальчики, ой не сходятся... Таинствуешь чего-то ты, Кирюха. Тупишь.

Точно, туплю. Приснилась мне Варька Тимофеевна ночью, а сейчас уже утро. Ушла женщина как кипяток в мороженое. И растворилась нежная недотрога Маська. А я в итоге не выпался под окном. Облака ихние точь в точь, как наши родные российские облака. Но их присутствие почему-то не помогало мне также спокойно по-русски дрыхнуть. Я не спал, а думал про облака, смаковал и расстраивался об их внешнем сходстве при принципиальной разнице как снотворных, *ainsi, réalisés dans les différents états*.

Короче, Ксанька ездить по Парижу на своём классическом авто с чемоданом наверху категорически не собирался, ибо он считал, что в Париже, особенно в главном округе... Тут я не оговорился: Париж в большом Париже – на самом деле это только центральный район, а остальное, хоть и в черте, уже не Париж, а периферия. Тьфу, мутота какая! Короче, Ксаньке – оказывается – и в большом, и в малом Париже негде припарковаться и бросить якорь даже на пять минут. Так он решил заранее, даже не пытаясь проверить экспериментальным путём. Что на практике так и вышло: как бы не хотелось нам с Бимом обратного.

– Эвакуаторы-то ихние по ночам колобродютЪ, – воодушевлённо, но с растяжкой предложения и со старооскольским акцентом в последнем слове намекнул Бим, – это вам не в Угадае моторы где попало ставить.

И опять запахло кринолинами. Я задрал голову в потолок, потом встряхнул ею.

Бим тоже, – что там, мол, на потолке углядел? Розеток нету. И сам он не англичанка, а оба вместе и по раздельности – натуральные позёры.

– Видение у меня было.

– Меньше надо пить. Хочешь, опохмелю? Или дряни курнул?

– Нет, не курил я, это Малёхина юрисдикция.

Гараж-стоянка – это ещё хуже, потому что где её и как его-её искать непонятно: языковой барьер!

– А «Вокзай-то ду ю Норд» – рядом, – сказал Бим, поёжившись и стукнув щелбаном по головке своего малыша – лежать! не высовываться! – стоянки там всяко должны быть. С охолустий много народу наезжает, а встречающие их же должны где-то ждать. А они же не могут без автомобилей встречать: их же родственники за бедных посчитают.

– Дорого, – сказал с порога вошедший Ксан Иваныч, и мгновенно проникнувшись сутью беседы.

...

Нет! Не так было. Было это раньше. Жик, жик, жик – прокрутка назал.

– Дорого! – без обиняков заявил Ксан Иваныч, без всякого проникновения в суть беседы, ибо это было сразу по заезду в гостиницу, – машинку попробуем оставить на одну ночь на улице. Может нас флажки спасут. Там же российский есть? Есть. И номер российский. Испугаются. Зачем им с Россией отношения портить? Да же, Малёха?

Малёха, как бы играючи, поочередно приподымал и опускал плечики.

7

Утро следующего дня.

Великовозрастный сынишка Ксан Иваныча Малёха проснулся позже всех, тут же засобирился куда-то, помельтешил с ноутбуком и, зевнув для порядка, ушёл в Париж пополнять запасы травы.

– Папа, дай денег, – шепнул он предварительно, – у меня уже кончились.

– Как же так, сына, я же вчера тебе давал сто пятьдесят евро?

Ого, моему бы сыну выдавали хотя бы по сто евро в день!

Ксаниному сыну похеру. Вчера вечером Его Наивеликое Высочество Малюхонтий Ксаныч посетили Диснейленд. Чтобы доставить великаго принца туда, вся гурьба, поломав путевой график и наплюя в дефицит времени, сдёрнулась с трассы, доехала по навигатору – куда приспичило принцу – и высадила принца прямо у кассы.

– Знаешь по-английски несколько слов?

– Знаю.

– Ну и нормалёк, не пропадёшь. Вон в ту дырку суй деньги. Генплан... вон он на картинке. Изучи и вперёд. Носовой платочек есть?

Нафига сыночке носовой платок: бабло вперёд давай!

Заволновался Ксан Иваныч, сердечко трепещет: как же, сына одного в парке – в парке, пусть и детском, тем более, детском, чужой страны (!!!) ё пэ рэ сэ тэ оставил.

После этого дерьма мы поехали дальше – устраиваться на ночлег. Ближе к вечеру папа забеспокоился, отвлёкся от всех своих оргдел, подсел на телефон и созвонился с Малёхой.

Трудный возраст у папы. У Малёхи же – ловкий.

– Ехать надо, – сказал нам отец в результате, – Малёха уже всё посмотрел, говорит, что его уже можно забрать. Голодный, наверное, мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.